

СЕРГЕЙ МАГОМЕТ

Прививка от бешенства

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ УЧЕБНИК
ЛИТЕРАТУРЫ

Сергей Магомет

**Прививка от бешенства.
Альтернативный
учебник литературы**

«Издательские решения»

Магомет С.

Прививка от бешенства. Альтернативный учебник литературы /
С. Магомет — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745145-5

Новый прекрасный подарок русской литературе. Книга для писателя.
Взрослая проза, роман-флэш. Ответы на все вопросы. Живительный коктейль
Молотова. Заказывали? Получите и распишитесь.

ISBN 978-5-44-745145-5

© Магомет С.
© Издательские решения

Содержание

(выхваченные листы из догорающего романа)	6
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Прививка от бешенства Альтернативный учебник литературы

Сергей Магомет

Иллюстратор Сергей Магомет

© Сергей Магомет, 2019

© Сергей Магомет, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4474-5145-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

(выхваченные листы из догорающего романа)

Когда Х вдруг вскидывает на меня глаза, то ли кривясь от зубной боли, то ли сотрясаясь от немого хохота, я читаю в его взгляде: «Ты, кажется, считаешь себя гением. Нельзя же быть таким идиотом! Только такой идиот, как ты, не в состоянии понять, что гений-то – я!»

Однажды он попал в аварию, сломал ногу и руку. Я навещал его в больнице, закованного в гипс. Во время моего посещения он непрерывно, с усердием грыз мел. Мел способствует укреплению костей. И, как бы проверяя результат, то и дело постукивал – почему-то по гипсу. И мне казалось, что он ест мел для укрепления гипса. Даже без постамента он выглядел очень монументально. Я пообещал принести ему в следующий раз не только мела, но и бронзы.

Я памятник себе.

Софья Андревна Толстая говаривала: «Никто не знает, какой Лёвочка, а я знаю. Он – больной и ненормальный».

Известны и «Лёвочкины» слова: «Мне невероятно тяжело жить в доме сумасшедших».

У вечно ноет и жалуется на бессовестность окружающих: у него постоянно п...т сюжеты, названия, метафоры, эпитеты, всяческие художественные подробности. Сволочь народ. А еще у него постоянно крадут его женщин. Я не подаю виду, как могу утешаю, но мне стыдно. Каюсь, и я не избежал общего искушения: тоже сп... л-таки – копеек на пятьдесят-шестьдесят.

Известно ревнивое отношение пишущих к облюбованной ими теме. У всем рассказывает, что пишет роман «Моя жизнь среди евреев». Это выглядит как помечание территории: не трожьте моих евреев! И все время говорит только о евреях. По доброте душевной предложил ему на выбор пару эпитафий: «Еврей и русский – братья навек», «Клянусь писать о евреях, только о евреях и ни о чем, кроме, как о евреях...» Вместо благодарности, набросился на меня, брызгая слюной: «Руки прочь от моих евреев!»

Не прослыть антисемитом или русофобом может лишь болван или сумасшедший. Или сумасшедший болван.

Впрочем, и это уязвимое утверждение. Разве мало у нас болванов антисемитов или сумасшедших русофобов?

Салтыков-Щедрин называл литературу «экскурсией в запретное».

А К.Г.Юнг так прямо и заявлял: «Наивный не замечает, какое оскорбление он наносит людям, говоря с ними о том, чего они не знают...» Но почему-то считал, что «подобную беспардонность прощают писателям и поэтам». Не знаю, как насчет поэтов, но у нас сие не прощают и писателям. Даже писателям – в первую очередь.

С другой стороны, чуть-чуть перефразируя Ф. Сологуба, и писатель никак не может примириться с тем, что несправедливость и неправда очень удобны для людей, а справедливость и правду надобно создавать, ибо нет их в земной природе. Горько писателю, понимаете ли, на каждом шагу видеть, что не лгать не могут люди, что ложью держится сама их жизнь, а правда разрушает ее.

Х на этот счет высказывался еще проще: прихожу, говорит, в гости, отлично пообедаю, выпью, и что же – никак не могу удержаться, не открыть глаза хозяевам на их уродства!

...хочется, понимаете ли, выглядеть именно неполиткорректным! Ибо это лучшее художественное средство, чтобы адекватно донести до читателей то, что автору особенно дорого в литературе, то, что представляется особенно важным.

Где-то видел такой ролик. Японец, истинный самурай, вооружившись набором сверкающих ножей, мастерски разделяет только что добытую громадную рыбину. Глазом моргнуть не успеешь, выпускает потроха, отсекает плавники, голову, сдирает кожу, отделяет позвоночник. И вот на столе филе, порубленное идеальными порционными брикетами. Хочешь – стругай на суши, хочешь – котлеты крути... Уверен, впрочем, что мудрый японец найдет достойное применение также и всем обрезкам... Но это так, к слову.

Типаж. Обличающий болван.

Прошло несколько лет. У забросил свой эпохальный роман о евреях. Жалуется: обокрал меня Александр Исаевич. Сволочь народ. Теперь никому не рассказывает о своих замыслах. Только мне под большим секретом поведал, что пишет роман под названием «Чучело Писателя».

З говорит, что неделю бился, чтобы описать простое дерево у себя под окном. Говорит, написал страниц сто, да и то недоволен – мол, и правда, наш русский язык слишком неповоротлив – не в силах поспеть за полетом его фантазии, за цепочками искрометных ассоциаций – которые «так и хлещут»...

«Читайте, читайте коллег! Чтение собратьев по перу придает уверенности в собственной гениальности».

Знал я одного писателя-химика. То есть до пенсии он трудился, и весьма успешно, на поприще химии. Но, выйдя на пенсию, решил стать писателем. А что, так многие делают.

Грешен: люблю заглянуть сразу в конец книжки. Уж не комплекс ли? На днях читаю похвалу одной повести. Писателю лет сорок. Заглядываю в начало. «Мы с женой отдыхали в Переделкино. То есть она отдыхала, а я работал. Работалось хорошо. Сосны, воздух. С утра заказываю два кофейника – и за работу...» И так далее в том же духе. Всё чинно, интеллигентно. Глаз не ловит ни единой блошки. Не удерживаюсь, заглядываю в конец. Заключительная фраза: «Старик смотрел на нас с радушным вниманием и светлой заинтересованностью». Всё... Может быть, я слишком строг? Или чего не понимаю?

Другой случай. Давно не бывал на литературных сходках, а тут попал. Ересь невероятная. Мухи мрут от тоски. И вдруг встает один критик, очень-очень толково обрисовывает всю нынешнюю ужасающую литературную ситуацию. Ярko, образно. Прямо мои мысли. Единственное, говорит, великое произведение нашего времени – это роман его друга Х. Чего, говорит, стоит гениальная финальная фраза романа, гениально живописующая всю нашу современность и отсылающая нас к самому гениальному Пушкину. Я наострил уши: ну-ка, ну-ка! «Народ безмолвствует и... матерится». Всё. Может быть, я опять чересчур взыскателен? Это надо исследовать...

«Энергия заблуждения» или «наглость наивности» – суть одна.

«Ну что ты будешь делать, никак не могу избавиться от чувства собственной гениальности!»

«Пушкин, Лермонтов и... Трепакин...»

Таким образом в России не осталось ни одного действующего литературного критика, который бы не замарался причислением своих бездарных, но сановитых приятелей к лику литературных святых, когорте художественных гениев, сонму литературных классиков.

Что им теперь, бедным, опровержения, что ли, писать?!

Что поделаешь: если желаешь принадлежать к кругу избранных, нужно, как говорится, поступиться объективностью. Иначе говоря, за истину можно не только платить, но и ею расплачиваться. Увы, по себе знаю. Отсюда и эти печальные строки.

«Ну, Z назвал меня „лучшим прозаиком нашего времени“. Я бы выглядел неблагодарной свиньей, если бы не назвал его алаверды „новым солнцем нашей литературы“. В конце концов, если я теперь „лучший прозаик“, ведь это вовсе не означает, что я также и лучший критик, верно?»

«Боже мой! – ужасался про себя X. – Во истину, скажи мне, кто твои друзья, и я скажу, кто ты! Особенно сие верно про писателей! Кто у меня в друзьях-товарищах? Харпакин, Трепакин и Плешаков! Других-то нет и не было!..»

Обывателя распирает желание узнать, что происходит «за гранью», потому что сам приблизиться к любой грани он ужасно боится. К примеру, сколько разговоров о сексуальной революции. А кто ее пережил, эту революцию?

«...некий властитель умов молодежи и поборник нравственности и морали, уехавший в Америку, посвятил себя фундаментальному изучению орального секса среди школьников...»

...уже покойный.

Y говорит: – Слушай, придумал гениальное название для книги: «Никто». И еще с посвящением: «Никому». Здорово, а?

«Знаю о жизни почти всё. А о смерти практически ничего...» И это, как говорится, пройденный этап.

Известно, что писатель подчас так сживаетея со своим персонажем, что это выходит ему боком. Так у Флобера, как и у госпожи Бовари, появились все симптомы отравления мышьяком, а у Льва Толстого едва не развилась ложная беременность Анны Карениной.

Серьезно пострадал на этом поприще и литератор X. Работая над романом о бешеной волчице, он заболел водобоязнью, стал угрюм, нелюдим и, в конце концов, сам себя ужасно истязал. К счастью, ему вовремя была сделана прививка от бешенства, и теперь он абсолютно не опасен для окружающих.

Y сказал, что «Прививка от бешенства» – самое подходящее название для книги. «Сразу понимаешь, что тебя сейчас будут оскорблять...»

Альтернативный учебник по литературе.

Настольная книга писателя.

Да, да, эта моя «Прививка» – это не х. лит-ра!

Нет, между тем, существа более обидчивого. Буквально всех подозревает в желании уни- зить писательское самолюбие, ущемить достоинство, свободу личности. Особенно не терпит никаких поучений, даже намек на них. И взрывается мгновенно. Даже приходя к кому-нибудь в гости, когда хозяин просит вытереть ноги или надеть тапочки, мрачнеет, темнеет лицом и, наконец, не выдерживает: «Может, тебя еще и в ж... поцеловать??»

Говорят, раньше писатель приравнивался к полковнику. Впрочем, теперь к полковнику не приравнивают и самого полковника.

Слово «совок» наверняка придумал человек, у которого было несчастливое детство. Ну не в смысле там голодное, или нищее-убогое. Наоборот, вполне сытое. Но наверняка из какой-нибудь семейки мелких барыг-нетопырей. «Веселый ветер» это не про него. Поди еще и в школе пендалей натерпелся... Зато теперь всё в одном флаконе – местечковость, русо- пятство и совок.

Иногда в конец можно и не заглядывать. Хватает начала. Z рассказал, что общий зна- комый, преуспевший телесатирик-шоумен, выпустил очередную книгу. Лирическую. Изящ- ную. Первая миниатюра называется «Коврик». Очень милая. Мол, когда он был маленьким, то играл на огромном ковре, который казался ему целым миром с морями и океанами. А недавно, дескать, пришел навестить престарелую маму и, увидев у нее какой-то затертый, дрянной ков- рик, спрашивает: «Это что такое?!» А она ему: «А это, сыночек, тот ковер!» У меня только один вопрос. Точнее, два в одном. Неужели он не мог купить маме новый ковер или эта гипер- бережливость в отношении антиквариата – какой-то обобщенный художественный образ?..

Автор был немножко идиот.

Кстати, его знакомый X убежден, что во всем современном мире единственная линия раздела – это вопрос о еврействе. Не исключено, что он прав. Как говорится, всё фигня, кроме пчел.

Даже самая простая мысль или образ не могут существовать в пустоте и требуют извест- ного контекста.

Вот беда. Нынче каждому графоману известно, что рукописи не горят.

Горький где-то написал: «Дайте мне такую книгу, прочитав которую, люди себе покоя не находят!...» Как давно это было...

А вот любопытно, недавно я заново воспроизвел список писателей, самых корневых для меня, – в пору, так сказать, моего «взрослого», писательского становления. Список, который составлял еще в молодости. Всё те же пятьдесят имен. Почти без изменений. Вообще без изме- нений. Фокус в том, что сейчас я вдруг задумался, засомневался, что ведь не могу сказать

наверняка: действительно ли, что, помимо сугубо технических приемов, я воспринял от них самое общее, фундаментальное представление о том, какой должна быть настоящая литература (видимо, термин Хэма), или всего лишь выдергивал авторитетные имена, лишь укрепляющие меня в мысли, что не только у меня подобные представления, изначальные, глубинные, – а стало быть, с полным на то основанием, мог отныне четко и категорично разделять слабые вещи и сильные, литературу и не-литературу.

Известно, в России писатель должен жить долго. Но вот вопрос – как долго? Ведь столько вообще не живут. К примеру, даже сравнительный долгожитель Бунин не дожил, бедный, нескольких лет до многомиллионных тиражей на Родине, до своего триумфального возвращения.

Поэт, Писатель... Высказывание, приписываемое Твардовскому: «Поэт тот, кого читают люди, обычно не читающие стихов». Как двусмысленно, даже оскорбительно звучит эта, казалось бы, простая истина, применительно к современной литературе и писателям. Обычно читающие люди вообще ничего не читают, а книги, именуемые нынче блокбастерами, масслитературой, читают именно те, кто обычно вообще ничего не читает, не то что прозы, – а стихов и подавно.

Х рассказывает: «Мне часто снится, что я – клоун. Смешу людей. Все вокруг буквально писаются со смеху. И мне от этого ужасно радостно...»

Трудно представить, чтобы человек мог совмещать в одном лице клоуна и духовного учителя. Или, скажем, психиатра и острого шизофреника. Между тем, сейчас от писателя требуют именно этого.

Как ни странно, но даже из людей, по-настоящему умных и хороших, редко выходят хорошие писатели. Впрочем, из дебильных подонков писатели выходят еще реже.

А сколько раз, восхищаясь остроумными и тонкими отзывами литераторов о настоящих писателях, о классиках, я открывал их собственные творения и приходил в изумление: куда подевалось их остроумие и вкус?!

У пишет роман-парадокс. У него персонаж за минуту до взрыва в метро останавливается покурить. Мораль: иногда куренье полезно. Другой персонаж, чтобы не повеситься от несчастной любви, напивается, а наутро просыпается живым и совершенно другим человеком. Мораль: иногда и алкоголь полезен.

Z, придя к X, вздыхает: «Не знаю, какой ты писатель... Но квартира у тебя точно – писательская!»

Вообще, снисходительность по отношению к братьям-писателям – почти рефлекс.

Один старый писатель вспоминал: вел я давным-давно литературный кружок в школе, за тридцать рублей в месяц. Приходили и взрослые. Писали всегда одинаково: от первого лица, всегда невнятно, и с издевательской интонацией о другом человеке. Как в анекдотах о евреях.

«Если человек талантлив, ходит как оплеванный».

Хотя... Более содержательным и остро-психологичным, вообще, более драматичным был бы, конечно, вариант: «Если человек талантлив, ходишь как оплеванный».

Пока рукопись не опубликована, все авторы равны. «Курица высидит птенцов так же, как орлица...»

Плюс сюда по какой-то ассоциации: «Сонные грезы окрыляют глупых».

Написать откровенно глупую книгу – для этого тоже нужен талант.

Товарищ по перу говорит: – Вот, прочти-ка, я тут одну вещь написал, так, задней левой ногой, по-моему, полная херня! – И довольно-таки настойчиво сует тебе рукопись. Я уж не раз удивлялся (мысленно, конечно): если, даже по мнению самого автора, это «полная херня», то с какой такой радости я должен это читать?! Ну да, ну да. Он, как всякий творец одержимый бесконечными сомнениями, может, так от великой скромности говорит. Но у меня еще ни разу в жизни не бывало, чтобы текст, характеризованный подобным образом, в самом деле не оказывался херней... Интересно, что автор еще обязательно присовокупит: – Слушай, ты мне честно скажи свое мнение, я не обижусь! – И это неправда. Ибо он не просто обидится, но обидится смертельно.

Х долго мучился над разгадкой того, что такое смерть, как узнать ее приближение, как она выглядит и так далее. Пока не услышал над ухом шепот: «Когда я приду, ты сразу поймешь, что это Я...»

Очень часто умирание-смерть пренебрежительно называют одним из многих экзистенциальных опытов, нам доступных. Ничего подобного. Пустая бравада. Смерть никак не может считаться опытом, хотя бы потому, что любой опыт- эксперимент подразумевает их последующее изучение и осмысление; в данном случае мы такой возможности не имеем.

Русский писатель-патриот Y, изголодавшись и отчаявшись в нищете, принялся писать «коммерческий» роман – о русском же писателе-патриоте, которого преследует дьявол-вурдалак, волосатый, мерзкий, а главное, обрезанный. Первое покушение случилось в бане. Отсюда – эта смачная художественная подробность об обрезанности. Бедняга, как ошпаренный, выскочил из бани, а обрезанный бес бежал за ним и кричал: «А тебе воще отрежу!»

Чудны дела Твои, Господи! Теперь вот даже модно поантисемитить.

В свободное от писательства время X производил впечатление человека, который ищет стену, чтобы убиться об нее.

Кто-то справедливо заметил: не тот антисемит, кто называет себя антисемитом, но тот, кого другие считают таковым.

Интеллигентный антисемит. Ученый антисемит. Талантливый антисемит. Добрый антисемит. Антисемит-кришнаит. Русофобствующий антисемит.

Z гордится следующей своей фразой: «Возмещение ущерба, причиненного оргазмом, лежит на обоих». Посылает ее во все журналы и газеты и ждет гонорара.

«Жиллет – лучше для мужчины нет!» – тоже придумал какой-нибудь писатель. «Как жиллетом по...»

Х говорил, что хочет написать физиологический роман о внутреннем мире шлюхи без комплексов, то есть таковой себя и считающей. Первый эпизод, как она демонстрирует влюбленному в нее молодому человеку, который только что признался ей в любви и даже подарил обручальное кольцо, следующий трюк: кладет колечко на стул, садится и втягивает колечко внутрь.

Он же полагал, что писатель должен писать без оглядки на «стыд и совесть».

После того, как одна знакомая заразила его триппером, он стал писать исключительно философскую прозу. Мораль: иногда и триппер полезен.

Ибо – литература это там, где честно, а не там, где точно.

Мальчик достал что-то из-под сачка и трясет кулаком в воздухе. Зачем?.. «Пусть она думает, что летает».

Нечто подобное думает о литераторах и государство, время от времени устраивающее для них разного рода «награждения».

Раньше нам казалось, что, называя пишущего «литератором», его хотят унижить. А назвав «писателем» – польстить. Поэтому в издательствах нас называли просто «авторами». Все-таки какое высококультурное, чуткое к слову было время!

Теперь-то как ни назови, – смысл один: дрянь-человек.

Сейчас мало литераторов, которые способны на стихийное словотворчество. Но недавно, когда у писательского клуба-ресторана поставили швейцара-африканца, наблюдал следующий эпизод. Политический писатель или, как сейчас говорят, спичрайтер, Х, в подпитии-благодарности выходя из клуба, хлопает чернокожего по плечу и восклицает: «Ну что, брат Гера, как жизнь?» Черный парень лишь осклабился, как собака. Сначала я подумал, что, как завсегда-тай, писатель помнит здешних швейцаров по именам, но потом сообразил, что это и есть словотворчество. «Гера» – уменьшительное, производное от ниггера, негра.

Писатель – это человек, который упорно борется со склерозом.

У, опять-таки большой почитатель Льва Николаевича, уверяет, что есть лишь три стоящие темы: мир, война и... то, что посередине.

– Практически та же мысль у Хэма, – говорю я.

– Вот видишь! – гордо восклицает он.

«В мире нет бойца смелей, чем напуганный Хемингуэй».

Давно я не брал в руки шашку.

«...Жомини да жомини... В моей родной 710-ой физмат школе директор был – ууу! – зверь! Держал нас в ежовых рукавицах. Являться в школу, помимо установленной школьной формы, мы были обязаны непременно в темных галстуках и белых сорочках. При этом он частенько приговаривал: если я из вас интеллигентов не сделаю, то никто не сделает! Преподавал он математику, но любил эдак посреди урока сделать лирическое отступление, порассуждать о высоком. О любви к Родине. Уважении к старикам. Сочувствии убогим. В общем, о том, что в человеке должно быть всё прекрасно. Сняв свои мощные очки, расхаживал взад-вперед вдоль рядов парт, задумчиво покусывал дужку и изрекал истины, лежащие с виду как бы на поверхности, так сказать, бытия, а на самом деле – составляющие его, бытия, основу. К при-

меру, если какой-нибудь человек, говорил он, позволяет себе шутки касательно внешности, физических особенностей, национальности, а также имени или фамилии другого человека, то этот человек никак не Чехов, а просто придурок.

Кстати, почему бы не обсудить этот, на мой взгляд, простой, но, возможно, спорный тезис?.. Может быть, есть другие мнения? Единственная просьба: вести дискуссию корректно!»

Мало кому из нашего брата-писателя посчастливилось завершить свои великие начинания. Х считает себя юмористом. Но вдруг взялся за эпическую форму. Задумал ностальгический роман о Вовочке, Брежнев, Василии Ивановиче и так далее. Не совладал с обилием материала. Взялся за другую тему. Социально-политический роман о мушкетерах, тоже очень смешной. Атас, Партвзнос и Компромисс. А еще – Д’Ерьмоньян.

«Вся хитрость в том, чтобы объявить себя гением раньше собеседника...» Ну или первым послать оппонента на. О чем тогда спорить? Да и с кем?

Юмор, заключенный в слове, великая филологическая загадка. Энергия слова. Есть весьма лаконичные фразы, даже словосочетания, которые и на предельно сжатом пространстве, способны вызвать гомерический хохот, затрагивая даже не разум, а чистую физиологию. К сожалению, это, как правило, непечатные выражения. Например: «дать просрать». Особенно уморительно выражение звучит в каком-нибудь строгом академическом или ином нейтральном контексте. Например, по радио сообщение: «Президент объявил о роспуске парламента...» А кто-то рядом комментирует: «Дал он им просрать!...»

И так ничего хорошего, так на тебе еще! На!.. Жизнь литератора.

Как серпом по фаберже.

Писатели тоже люди. Ожидать от писателя эталона человеческой порядочности так же неуместно, как требовать от тренера по плаванию умения плавать или от священника образца праведности.

Многие писатели любят заниматься спортом. «Для здоровья». Кажется, у того же Флобера: «Для счастья необходимы глупость, эгоизм и крепкое здоровье».

Грубо говоря, все писатели подразделяются на три категории: спортсмены, алкоголики и... спортсмены-алкоголики.

Пловец за счастье всего человечества.

Да уж давным-давно забросил эту нашу писанину! Другие проблемы назрели. Йога, бассейн, велосипед, штанга. Жизнь на излете. Здоровье спасать надо. Физкультурная истерика. И страшно. Так страшно.

Писатели обожают собирать цитаты из классиков, брань в адрес других классиков. Возможно, это дает ощущение собственной принадлежности к богеме, в чем они, эти писатели, по понятным причинам, никак не могут быть уверены, даже спустя годы. Даже на старости лет. Даже на старости лет – в особенности.

Бранились, плевались, да, – а теперь стоят у порядочных людей на одной полке. Кажется, еще Катаев замечал.

Как-то это всё... уж очень поверхностно. На «голубом глазу», что ли... Ведь первое, что приходит на ум – тот же Пушкин. Его хрестоматийная, уничтожающая отповедь относительно замечания о «ничтожности» Байрона. Не говоря уж о «Бомарше, кого-то отравившем», «споре славян между собой» или «содрогании почти болезненным». Если посмотреть на это несколько расширительно – применительно к «юпитеру» и «быкам».

С другой стороны, составление подобных подборок, афоризмов ли, исторических ли анекдотов, широко распространенная издательская практика. «Попса», лубочная адаптация классической литературы «для народа». Что ж, пусть хоть эдак...

В юности за мощными сюжетами гоняешься, лелеешь и хранишь их, как драгоценные семена. Но с возрастом этих семян, причем часто лежалых, накапливается – мешки, не знаешь, куда девать. К тому же, некоторые сюжеты, связанные с каким-то конкретным историческим эпизодом, блекнут, не успеешь моргнуть глазом. Так когда-то мне нравился такой фантастический сюжет. В самый жаркий момент путча 93 года, когда по Белому Дому начинают садить ракеты, артиллерия, вот-вот начнется штурм и резня, на крыше среди защитников материализуется что-то вроде роты спецназа, которая составлена из великих мыслителей и философов всех времен и народов. Именно философов. Настоящих философов. А истинные философы, как известно, не только мыслят, пишут, говорят, но главное – живут, как философы. То есть все – крайние экстремисты. Каждый из них предлагает действовать, и действует, в соответствии со своими убеждениями и принципами. Сократ, Ницше, Платон, Хайдеггер, Фрейд, Юнг и так далее. Каждый из них обладает идеальным телом и силой. Всего пятьдесят бойцов. Среди испепеляющего пламени, черного дыма, сажи, крови...

Как сказал один человек о Сократе, обращаясь к коллегам-философам: «Две тысячи лет вы читаете книгу, которую он не написал, и написали тонны макулатуры, которая никому не нужна!»

Если бы моим приятелям-писателям удалось воплотить все свои замыслы, литератур хватило бы на несколько китаев.

Время разбрасывать камелии.

Однако это проблема: успеть написать мемуары до того, как впадешь в маразм. Поэтому по большей части мемуары – прискорбное чтение.

У. Иногда думаю: ну я идиот! А иногда: нет, все-таки немножко умный тоже!

Братья-пейсатели.

«Только собрался почитать талмуд, а меня уже спрашивают, как пройти в синагогу».

Z отпустил бороду. Теперь при знакомстве рекомендуется аллюзийно: «Я – старый анекдот».

Вот говорят, есть такая фигура речи – сарказм. А есть такая фигура, чтобы, в случае чего, говорить, что это была фигура?

Пейсахом пейзаж.

У говорил, что когда-нибудь свалит в Англию, а властям при въезде в качестве весомой мотивировки так и заявит, что, мол, намерен писать букеровский роман-исследование о том, как русский становится англичанином. А пиво «Гиннес» и группу «Битлз» он и так предпочитает «Жигулевскому» и хору Пятницкого.

Х пишет роман про Битлов. Они, уверяет, были так музыкальны, что даже пукали на голоса, и, конечно, в тональности.

Писатель и кино. У Сэлинджера есть эпизод, где один мерзкий лицемер распинается перед школьниками о религии и нравственности, и посреди его вдохновенного вранья один из малышей громко-прегромко пукает. Теперь в каждом фильме кто-нибудь непременно громко-прегромко пукает на торжественных мероприятиях, где толкают речи о высших ценностях. Сочувствую Сэлинджеру: сидя в своем затворе-уединении, теперь наверно локти кусает, – да что поделаешь: слово не воробей...

Z всю жизнь не мог простить тех, кто не дал ему денег взаймы.

Х не мог простить себе, что не дал Z в долг.

«Кажется, теперь я способен воплотить любой самый сложный замысел. Осталось лишь подыскать сюжет для книги, которой бы зачитывалась публика...»

Х всё ворчит: «Во, люди наживаются! Берут самые святы образцы нашей словесности и бессовестно похабят их. Теперь это называют подлыми, скользкими словечками «ремейк» или «адаптация». И я бы мог, если был бы Иудой. К примеру: «Тикай, украинская дочь!» Или: «Куда несешься ты, Рубль?..»

«Наши авторы сплошь хлестаковы, а наша публика и вовсе – помесь кабанихи с коробочкой. Присутствующих, естественно, не касается».

Это еще что. Вот У взялся переписать Библию! Правда, пока у него имеется лишь паратройка фраз: «В начале было клёво...», «Когда боги спускали на землю...» и «После минета хоть Потоп...»

Писатель эгоист по своей природе. Тут уж ничего не поделаешь. Один знакомый литератор даже одно время организовал альманах с таким названием, где публиковался только он сам. Куда как точное сравнение писателя с беременной женщиной, которая, что бы не происходило, в первую очередь думает о своем будущем ребенке. Так и писатель – в первую очередь заботится о задуманном произведении, а уж потом о всём остальном.

Патентованный идиот, кровь с молоком, рассуждающий об идиотизме коллег.

У придумал недурной афоризм: «Умный человек долго размышляет, прежде чем что-нибудь подумать». Афоризм ему так понравился, что теперь он только и делает, что размышляет, и никогда не думает.

«Я обязан Вам высказать кое-что!»

По-моему, здорово. И это «обязан», и «кое-что». Сразу типаж как на ладони!

«Сказать ему, что он болван, обидится. Сказать, что умный, люди не поверят. Скажу, что пишет в духе Федор Михалыча или Кастанеды...»

Писатель приходит к врачу:

– Доктор, я здоров?

– Здоров. Но подлечиться не мешает.

Таким образом, сама идея о союзе писателей абсурдна. Профсоюз еще туда-сюда. Да и то – это все равно как если бы умалишенные, вдохновившись идеей самоуправления, взялись организовывать для себя лечебницу. И советский союз писателей, как известно, был никакой не общественной организацией, а чистой воды волонтаристским учреждением. Что такое вообще общественная организация? Если приглядеться, даже кружок садоводов или дворовых шахматистов-любителей – чистой воды мафиозная структура.

За какое дело ни возьмется литератор – издание журнала, организацию элементарного сайта в интернете, даже за постройку сортира на своем дачном участке – все превращается в памятник себе любимому.

Умение увлекательно пересказывать чужие произведения, пожалуй, дар еще более редкий, чем талант романиста или рассказчика. Чисто статистически. За всю я жизнь сталкивался с этим лишь пару раз. К сожалению, обладатели этого чудесного дарования особенно варварски им пренебрегают, гнобят, буквально зарывают в землю. И причина тому – элементарная писательская ревность. В этом смысле, печальный пример того, как из зависти к чужому таланту люди губят свой собственный... В молодые годы Z умел так мастерски, так увлекательно пересказывать прочитанные книги, что я спешил разыскать их, чтобы поскорее прочесть самому. Удивительно и то, что оригиналы почти всегда, причем значительно, уступали пересказам. Со временем я заметил, что Z совершенно перестал писать, хотя по-прежнему довольно много читал. Когда я сказал ему об этом, он ужасно помрачнел лицом, проворчал что-то вроде: готов, мол, конечно, но только – на солидной гонорарной основе. Частенько вспоминая о его зарытом таланте, я не мог не горевать. Только через много лет это дар вдруг все-таки пробился из-под спуда. Но в какой неожиданной, извращенной форме! На склоне лет Z вдруг принялся публиковать в интернете сюжеты, сюжетики, идеи своих ненаписанных романов, повестей и рассказов. Почти миниатюры, почти нарождающийся жанр. А может, пытаюсь что-то отыграть, отбить у более удачливых авторов, даже совершенно ему незнакомых, даже неприкрытых конъюнктурщиков. «Копирайтить» задним числом как бы. Однако выходило это у него уже не так увлекательно, как в молодости, когда он с восторгом пересказывал чужие вещи. Торопливо, болезненно. В общем, жанр так и не родился.

Грустно... Увы, литература часто – очень грустный опыт.

Писатель поучал: «Никогда ничего не просите!..» Христос учил: «Просите, и будет вам дадено!..»

Любопытно, что сомнительное поучение Булгакова без конца цитируют именно те, кого отличает беспардонная нахрапистость, кто не в дверь, так в окно и т. д.

По какой-то ассоциации булгаковский призыв якобы к тому, чтобы беречь свое человеческое достоинство, напомнил мне рассказы о том, как в чекистских застенках расстрельщики, чтобы было удобнее целиться, пеняли ползающим на коленях жертвам: «Что ж, ты, г..., ползаешь? Встань, бл...! Где твоя гордость коммуниста?..»

«А я говорю: Верь! Бойся! Проси!»

Кстати, есть мнение, что Булгаков – прекрасный пример того, что такое «мученик дьявола».

А сколько нынче мучеников у самого Михаила Афанасьевича!..

Такой парадокс. Какая-нибудь гениальная формула ничуть не обесценивается, оттого что была выведена подонком или подлецом, а вот блестящий рассказ или стихи рано или поздно тускнеют, превращаются в ничто.

Восьмидесятидвухлетний Юнг (строго говоря, тоже литератор) писал: «сегодня я одинок, как никогда, потому что знаю вещи, о которых никто не знает и не хочет знать». Странно, что при всей своей проницательности гения он не понимал, что нечто подобное может зачастую сказать о себе и восьмилетний мальчик, и семнадцатилетний юноша, и двадцатипятилетний молодой человек, и тридцатилетний молодой мужчина, да и просто зрелый человек, не говоря уж о старике... Потому что это скорее чувство и состояние, свойственные человеку, одаренному свободной волей. Вообще, каждой мало-мальски элементарно очерченной индивидуальности, осознающей себя таковой. Сущностям, пребывающим по той или иной причине в состоянии автоматизма или массового психоза-гипноза, как то – люди-муравьи, люди-алко-токсикоманьяки, фанатики и так далее, – подобная мысль никогда не придет в голову. А если услышат это от другого, то, в лучшем случае, сочтут его придурком.

Бёллетристы. Кто теперь помнит о таких?

«Наглость наивности». Это, конечно, о литераторах! У них на все находится свое мнение, как правило, противоположное мнению собеседника. Они искренне верят, что недостаток образования с лихвой покрывается «творческой интуицией».

В крайнем случае, тиснуть про себя в интернете: «Выдающийся мастер, знаменитый автор, гениальный писатель...» А еще жалуются, что жизни нет!

Абсолютно грамотный идиот.

Нет-нет, как страшный сон, да и опубликуешь что-нибудь с грубыми ошибками, опозоришься публично...

Между прочим, гранки первой английской газеты, прежде чем печатать, вывешивали на заборе, чтобы все желающие могли указать на допущенные ошибки. Корректоров у них тогда не было. У нас их, увы, нет сейчас. Зато у нас есть интернет и квалифицированные читатели, бдительно следящие за порядком. Понятно, они не профессиональные редакторы-корректоры на зарплате, а потому имеют полное право хотя бы на моральное вознаграждение за свой труд. Например, немножко покошмарив авторов...

Однажды, кстати, я сам обнаружил не то 5, не то 6 грубейших ляпов в оригинальном кембриджском переиздании «Advanced Grammar» и даже хотел написать им что-нибудь в духе: «Эх, вы! А еще других учите!» Ничуть не шучу.

Впрочем, что современные авторы по сравнению с классиками! Даже в академических изданиях Толстого-Достоевского, помнится, вкладывали такие маленькие листочки об опечатках, допущенных в предыдущих томах. Можно представить, какими гигантами мысли чувствовали себя корректоры, обнаружившие их! С полным правом посылая бедных Л.Н. и Ф.М. в подготовительный класс. Думаю, и теперь еще можно много чего отыскать, если внимательно поковырять.

Вот интересно, о красоте говорят «несравненная», и, в то же время, сравнение одного шедевра с другим в искусстве непреложная вещь. Ну и произведения поменьше тоже сравнивают. По сути это и есть единственное незыблемое основание объективности искусства. Вопреки обывательской иллюзии, что, мол, всё это только дело вкуса. Ан нет, всё объективно. И в литературе тоже.

Строго говоря, как «гений», так и «идиот» определения чисто условные, технические. Никак не ругательные или медицинские. Скорее, аллегорические. И, так сказать, узкоцеховые. Прилагаемые к товарищам по перу, или возомнившими себя таковыми. В каком-то смысле уже вышедшие из употребления вместе с угасанием атмосферы творчества, вообще, уходом эпохи.

До чего додумались наши новые русские духовные писатели: противопоставили любовь и секс. Вроде того, что лучше: курица или бульон. А с другой стороны: ведь даже за самыми бескорыстными намерениями мужчины женщина всегда отыщет подвох.

Все-таки в нашем деле главное – талант. Я знал одного поэта-авангардиста, сшибавшего большие деньги и успех писанием «стихов», состоявших сплошь из цифр. Причем он уверял, что в его стихах заключен огромный смысл.

«Летит за пятеркой шестерка,
Ползет за шестеркой семерка.
Пятнадцать на три минус пять:
Без малого – семьдесят пять...»

Пушкин где-то говорил, дескать, люблю поэтов – отличные ребята!.. А вот о прозаиках, кажется, никто ничего не говорил. По крайней мере, хорошего. Потому что нечего.

Х сетует, но не без скрытой гордости:

– Эх, пришла ночью в голову гениальная мысль, да поленился встать записать. Наутро, естественно, забыл.

У морщится:

– Если бы тебе пришла гениальная мысль, ты бы вообще не уснул.

«У меня всегда масса идей».

Так все-таки «секс» или «сэкс»?

З писал короткие романы. Состоящие из одного названия. Были у него даже дилогии и трилогии. Начал было тетралогию, но бросил.

Какими мы были... Помнится, в юности в пивной подсаживаемся с приятелем-поэтом к двум барышням познакомиться, одна из них начинает рассказывать анекдот:

– Однажды собрался за границей слет б...

– Кого-кого? – оторопело переспрашивает мой приятель.

– Ба..Ля..Дей! – спокойно отвечает она.

«Почти никогда не перечитываю своих произведений. Только начну, говорит, читать – до чего ж, восхитительно, до чего ж прекрасно! Потом спохватываюсь: Прекрасно, а какой я ж..! Мука это адская. Ей-Богу, было б легче, если б не так прекрасно!»

Говорят, у каждого человека своя память об общем событии. К примеру, один вспоминает: помнишь, в школе подрались, я оседлал тебя и тузил? А другой возражает: не-е-ет! ничего подобного! это я тебя оседлал и тузил!.. Причем оба абсолютно искренно. И писатели, конечно, не исключение...

Что и говорить, прошлое – мрачная, черная штука. Будущее, в этом смысле, тоже не подарок. Но его-то хоть есть шанс дожидаться, посмотреть, как оно соответствует нашим представлениям. А вот прошлое, действительно, никогда уж не наступит – с каждым днем тускнеет, размывается, распадается на части, отступает в абсолютный, страшный мрак.

Как неловко, странно и грустно видеть, что за столько лет старый приятель-литератор так и не научился писать.

Но несравнимо грустнее видеть, что старый приятель-литератор писать разучился!..

«Разве ж это говно? Вот раньше было говно! А нынче – говно какое-то!»

«Если кто-то купил твою книжку, это не гарантия того, что она не идиотская писанина».

«Все под Богом ходим. Мастерство можно не только пропить, но и прогулять, проболтать, промечтать, прожадничать, проподличать и так далее».

Талантливая метафора или сравнение, употребленные не к месту, только ради красного словца, – производят впечатление похуже, чем грязные ругательства в приличном обществе.

Х, вроде бы нормальный, а ходит тихонько-тихонько, говорит едва слышно и ужасно мало, глаза вечно блуждают где-то в небе. И необычайно начитанный. Потом, оказалось, что весь мир считает одной большой кучей дерьма. Включая, конечно, братьев-писателей. Их даже в первую очередь.

Сойдутся неудачники-литераторы и ну, бедные, грызть друг друга... Какое тоскливое зрелище!

Но убийственно тоскливо – когда начинают «читать» друг другу и хвалить.

«Я не читал. Значит, он не писатель. Чистой воды сферический солипсизм».

У убежден, что все писатели отличаются «природной блудливостью». Мол, стыдно, скучно так жить!..

Кстати, недавно и сам признался, что, положив руку на сердце, не уверен, что в мире есть дела поважнее постельных.

Бальзак уверял: «Я ****ую только на бумаге!»

Еще в нашей юности Z всю ночь уламывал женщину, мучился с ней до утра, и уже на последнем издыхании, как последнее (и как надеялся безотказное) средство признался ей, что он – писатель. Даже какое-то удостоверение показал. Не дала. Абсолютно никакого впечатления. Это его убило. Может быть, с тех пор разочаровался в литературе.

«По себе их сук руби!» – говаривал Х.

Z формулировал не без пафоса: «Назначение женщины – сидеть подле Креста. А не возводить на него».

Y – Я с фонариком путешествую по самым темным закоулкам ваших человеческих душ!

Z – Странное хобби. Это все равно что ходить с фонариком у нас за сараями и светить на дерьмо?

Y – Как Федор Михалыч!

Z – Разве Федор Михалыч ходил у нас за сараями?

Y – Я, писатель – посланник Бога.

Z – В смысле – Бог тебя послал?

Похожий случай произошел с Х. Как-то набрался смелости, разыскал адрес маститого писателя, появился к нему с рукописью своего романа под мышкой. Позвонил в дверь, маститый открывает и, испуганно глядя на толстую папку, спрашивает:

– Вы ко мне, молодой человек?

– К вам! Умоляю... благословите!

– Благословляю! – поспешно сказал маститый и поскорее захлопнул дверь.

Потом Х хвастался друзьям, что его благословил сам...

В другой раз Х был в гостях у другого маститого. Потом хвастался, что тот подарил ему шариковую авторучку. Одно странно – пришел домой, попробовал – а она не пишет. Оказалось, в стержне кончилась паста. Что бы это значило?

Хилый гений.

Утлый член.

Орфогафрен.

Между тем, правда, иногда при всей добросовестности, даже маниакальной дотошности литератора иные «очепятки» ни за что не хотят устраняться. Буквально насмерть стоят. Каким-то мистическим образом на страже истины. Выскакивают как нарочно, в самом неожиданном, неподходящем месте, чтобы обличительно прокричать: «Нееет! Хреновый ты писатель!»

Опечатки – душа автора.

«Больная на всю голову женщина с румяными устами...»

Элементарный жизненный опыт. Я не знаю ни одного хорошего писателя, который бы не любил одной и той же стандартной «золотой» сотни писателей-классиков. Вряд ли я стану читать автора, который отважно заявляет, что терпеть не может Толстого или Достоевского.

А ведь кому, как не писателям, прощается быть субъективными даже до нелепости!

Не без намека на собственную исключительность, Y говорил, что в юности, в отличие от сверстников, «беседовал» только с великими. Причем как с равными. Так в число его собеседников, сами того не подозревая, попали и Толстой с Достоевским, и Платон с Аристоте-

лем. Не говоря уж о всяких там Сенеках и Спинозах. «А теперь, – сокрушенно вздыхал Y, – приходится общаться с одними болванами!» Слушая его, я подумал, что сам я, если и читал «великих», то о беседах, да еще на равных, конечно не было и речи. Хорошо, если понимал полпроцента из прочитанного. Как, впрочем, и теперь. Разве «процент» немного побольше. Но почему-то мне было жаль Y. Что на старости лет ему приходится общаться с одними болванами. Что его уж, наверное, никак нельзя уговорить перечитать великих... «Расскажи мне, что есть истина!» – попросил я без всякого лукавства. Но он только пожал плечами, отвернулся и, закулив, стал смотреть на дым.

Как выразился один мой знакомый, американский славист: «Старый собака не научил новый фокус».

Писатель, он ведь вроде чеховской курсистки: «У ей все дураки, одна она умная!...»

Касательно переводчиков и не только... Говорят, самокритичный Петр Андреич (Вяземский) якобы преусугубил дело следующей сентенцией: «Переводчики обыкновенно люди глупые и худо знают один из языков: с которого или на который переводят». Метко же ж подмечено! И я всегда чувствовал, но никак не мог ухватить: истинный талант, ведь он не тот, который пишет и переводит, а тот – который с гением переписывается!

Казалось бы, чего проще: молчи, не пиши, и никто не узнает, что ты бездарность.

«Когда я не был знаменит...»

Рассеянный, но ужасно щепетильный прозаик Y часто брал у друзей по мелочи в долг. У кого рубль, у кого полтинник. И чтобы не забыть, писал себе на клочках бумаги записочки: такому-то должен рубль, такому-то полтинник. Прознав эту его привычку, собравшись выпить пива, друзья подбрасывали ему фальшивые записки. Очень милый и добрый человек... Не удивительно, что милые, добрые люди с годами становятся мрачными человеконенавистниками.

Совершенно серьезно говорил: «Если бы мне поставили памятник, я бы предпочел, чтобы с зонтиком... Чтобы голуби не гадили».

Жена Z признавалась: «Если бы мой был хоть чуть-чуть глупее, я бы за него ни за что не вышла...»

«Когда критики ругают (или хвалят), приводя хоть какие-то аргументы, я уже готов согласиться со всем сказанным. Ведь обычно, они даже не прочли произведения».

Санитар леса. Бешеный.

Вообще-то, у меня не хватает времени, чтобы прочесть всё, что нравится, что вызывает интерес – куда уж тут читать то, что считаешь мутью. Хотя бы даже с целью доказать кому-то из близких тебе людей, что та или иная писанина – муть. Но ведь факт остается фактом: люди часто не только читают то, что потом называет г..., но даже пытаются, причем совершенно безвозмездно, т.е. на «безгонорарной основе», устроить по этому поводу дискуссии, цепляются к авторам со своей «беспощадно-уничтожающей» критикой. Нужно быть сумасшедшим, чтобы так себя насиловать. Но ведь они не сумасшедшие! Ну, хотя бы не все. Как тут не прийти

к выводу, что, видимо, все-таки в глубине души, каким-то даже извращенным образом, та или иная вещь или автор определенно доставляют им удовольствие.

Когда раздается окрик: «Эй, баран, куда прешь, там яма!», обидчивый человек фиксирует внимание на первой половине фразы, мудрый – на второй, и только бараны и гении идут своей дорогой.

Злобный критик, разносящий в прах бездарные произведения, подобен гастроному, специализация которого дегустировать разное дерьмо и, отплевавшись, рассказывать нам, что «дерьмо – это дерьмо». Хотя бы и по долгу службы. Хотя бы и за деньги... Впрочем, теперь это уже общее место.

Злобный критик, разносящий в прах талантливые произведения, по ночам, наверное, доказывает жене, что сам-то он – гений.

То есть, несмотря на весь негатив, исходящий от хулителей и охаивателей, я конечно отлично и всегда отдаю себе отчет, что человек, способный видеть «песчинку в чужом глазу» (если действительно способен), является исключительно полезным элементом творческого процесса. К тому же, активным и даже совершенно незаменимым. Тут не нужно открывать Америку. Такие патологически пристрастные читатели необходимы всякому литератору, стремящемуся к совершенству. По сути, все высокопрофессиональные корректоры и редакторы где-то в глубине души хулители и охаиватели. Спасибо им за это. Хотя надо также признать, что бывает чрезвычайно трудно настроиться на конструктивный лад – не столько даже хулителей, сколько самого себя. Ибо авторские обиды, страдания, вообще бурные реакции, объясняются, конечно, нашим отчаянием, когда приходится убеждаться в фатальной ограниченности собственных возможностей и способностей...

Кстати, Дмитрий Михайлович Урнов, советский критик, уехавший в Америку, любил повторять: «Критика по большей части несправедлива в частностях, но в принципе всегда верна. То есть, если читательский взгляд где-то спотыкается, то в этом месте непременно зарыта собака. Другое дело, какая...»

Вот, однажды прочел удивительный отзыв современника о Чехове, талант которого уже развернулся в полную силу: «Как капля точит камень, г. Чехов точит русское общество внушениями, что оно ни на что не годится, что оно сгнило до корня. Средства у г. Чехова большие: сила таланта, глубокая вдумчивость и знание русского человека...» В результате, сам талант Чехова, по мнению критика, приносит вред, ибо «человек, которому доказали, что он безнадежно погиб... уже не может подняться». Какое верное и злое суждение, насколько оно выше пустопорожних рассуждений о художественности, мастерстве и эстетике. И, как ни поворачивай, так ведь оно и есть. Да и у Гоголя где-то: главное назначение писателя – протянуть руку изнемогшему духом.

«Если бы Магомет принимал от нервов бромистый калий, работал только два часа в сутки и пил молоко, то после этого замечательного человека осталось бы так же мало, как после его собаки...»

Вдруг натолкнулся на фразу: «...В его наружности, в характере, во всей его натуре было что-то привлекательное, неуловимое, что располагало к нему женщин, манило их; он знал об этом, и самого его тоже какая-то сила влекла к ним...» Какая кондовая, серая опи-

сательность! «Что-то привлекательное, что располагало к нему женщин». «Что-то»! Что же, что? Написано с самоуверенностью начинающего графомана, что этого читателю более чем достаточно. Ноль изобразительности и психологической мотивации. Помнится, Урнов шутил по этому поводу: «Это как если бы Конан Дойль написал: «Что-то подсказало Шерлоку Холмсу, что убийца дворецкий». А уж «и самого его тоже какая-то сила влекла к ним» – и вовсе за гранью. «Какая-то сила»! Интересно, какая?? Не безусловный ли это пример махровейшей бездарности? Причем нисколько не вырвано из контекста, и в контексте эта фраза ничуть не выигрывает. Редкостная дичь!

А ведь это строки из «Дамы с собачкой», шедевра, очень зрелого Чехова. Изумительно и то, что перед этим как раз читал, как Толстой испещрял рассказы Чехова многими пометками, якобы, говорящими о его внимательном изучении мастерства Чехова.

Даже примитивная вордовская «орфо» выделяет это предложение: оно трудно для восприятия, в нем 10 (!) местоимений и относительных местоимений. И советует высказаться иначе. Смех, да и только!

Вот, теперь очевидно: с возрастом все-таки происходит некоторая переоценка, даже таких безусловных классиков, как Чехов и Толстой. Причем не в части художественной и литературного мастерства, а в вещах куда более существенных для писателя – мировоззрения, интеллекта, личностных качеств. В особенности это касается хваленной, так называемой «тонкой психологичности» классиков, рассуждений об отношениях мужчины и женщины, человеческого смыслополагании, о том, что в XX веке стали называть «комплексами». Не говоря уж о богословских материях, в сравнении с тем же святоотеческими текстами. Толстой и правда оказывается до нелепого наивен, по-детски, но не в симпатичном, положительном смысле, а именно маргинальном. Ну у Толстого хоть нет склонности к эффектам и сюжетным фокусам. Чехов же часто поверхностен и даже искусственно-схематичен. Да он и сам был этим недоволен, и не раз признавался. Только друзья-почитатели предпочитали видеть в этом скромность и кокетство мастера. Понятно, не все так плохо.

Z – У Чеховых-Толстых ужасно много недостатков. Им прощают, а мне нет.

Z, вялый, разочаровавшийся, полный желчного сарказма и обленившийся, тем не менее постоянно толкует о стремлении и необходимости пребывать в предельно экстатическом состоянии – как единственном достойном смысле жизни. При этом якобы самое желаемое для него – раз в год неделю-другую посвятить себя написанию нескольких «нобелевских» страниц, а все остальное время пребывать в состоянии экстатической медитации, желательно у моря, при винном погребе и женщине. Даже сомневаешься, слушая его, может, шутит? При этом, к тому же, ничего не пишет, даже «раз в году», только «тезисы».

Беседа с умным человеком – изрядный труд. Но ведь мы не удивляемся, что изрядный труд – говорить о мироздании не с литератором а, к примеру, с астрофизиком.

Чтобы читать умные книги, не обязательно быть умным. Чтобы читать глупые книги, нужно быть глупым. Непременно.

Или немного иначе: жить глупой жизнью и читать глупые книги – чувствуете разницу?

«Даже они (женщины) мучают, терзают меня бессмысленно, бездумно. Как ребенок, отрывающий лапки мухе. Что тут анализировать, копать в психологиях. Откуда ребенку знать, что, может быть, эта муха – в своем роде гений...»

Х старался не преувеличивать своего значения в литературе. Но и не преуменьшать.

Давеча тут сидел в одной компании. Симпатичные люди. Немного дилетанты. Пели «В горнице моей светло...»

Затих последний до мажор. Я сказал, что конкретно этот текст всегда вызывал у меня множество недоуменных вопросов. Все очень удивились. У тебя? Какие ж тут могут быть вопросы?? Вообще???

А присутствующие, надо заметить, подобрались архиярые, архипатриотичные. Даже архипассионарные. И все поклонники поэта.

Что ж, и мне нравится у него кое-что. Даже как-то взял эпиграфом к повести. Это о чем-то говорит?.. Стал бы я тратить время, жизнь, обсуждать какую-то чепуху?

Так вот. Вопросы... Кому-то может показаться, что я рассуждаю предвзято или придираюсь к словам. Уверяю, нисколько. На этот раз – никакого психоанализа. Никакой иронии-юмора. Правда. Не сейчас, не вчера я это придумал. Давным-давно, еще когда песня звучала в «Пионерской зорьке» и «Утренней звезде» – это резало слух...

Итак. «В горнице...» Для начала, что такое «горница»? Открываем академический словарь. «Неотапливаемая, чистая комната в крестьянском жилище. Использовалась как парадное помещение, иногда – как кладовая. Могла строиться на верхнем этаже. Светлица». Собственно, так я всегда и понимал. А как иначе? Тем более, в данном, нарочито пафосном произведении. Что-то возвышенное. Горница, горний... Одно ясно: в деревнях особ не говорят «горница». Ненатуральное слово, литературщина. Во горнице молодые кузнецы. Может, в 18-м веке?

Сразу воспоминание о доме моего деда, где была такая вот просторная горница-мезонин. Справедливости ради, не в деревне, а в «поселке». Деревня была через дорогу. С общей колонкой. И те же коровы, козы, ульи...

В горнице «моей». Почему «моей»? Конечно, это не какой-то там частнособственнический инстинкт лирического героя, свойственный крестьянину-середняку или кулаку, да и вообще крестьянину. С единственной целью «застолбить территорию». Мол, горница МОЯ. И весь этот дом – МОЙ!.. Понятно, «моя» в данном контексте – просто очерчивает некое личное, условное пространство, некое уединение души поэта.

В горнице «светло». (Кстати, лишний раз подтверждает предположение о высоком расположении горницы). Но светло – от ночной звезды. Просто красавица, гипербола, скажет кто-то. Ох уж эти «звезды» поэтов! Лично мне использование данного символа, да еще многократно, особенно после хрестоматийного «Гори, гори моя звезда!..», кажется, мягко говоря, навязчивым. Из того же ряда что и пожухлая репродукция «Незнакомки», вырезанной из «Огонька», висевшей в каждой «горнице». Обрамленный лубок, китч, базарная работа... И, к слову сказать, то, что, в отличие от городских, деревенские жители находились, да и находятся, в относительной культурной изоляции, понятно, вынужденной, не делает пресловутую репродукцию более значительным культурным артефактом.

Теперь что касается света от звезды... Как известно (причем не только астрономам), звезды, будучи точечными объектами, не могут ничего ОСВЕЩАТЬ в принципе. Ибо они – только СВЕТЯТ. Главным образом, в поэтическом смысле. Светят, горят, шевелят лучами сердце... Луна, к примеру, может. Зарницы, или там одинокий фонарь на столбе, что на краю села, у околицы – другое дело...

«Матушка возьмет ведро». Интересно, почему ведро находится в горнице?.. Опять-таки из личных ассоциаций-воспоминаний. После больших праздников, с утра бабушка кряхтя взбиралась в горницу, где спали «болезные» – похмельные гости и родня, – приносила ведро с холодным компотом и кружку... Что ж, вероятно, ведро в стихотворении осталось еще с того раза... А может, и в данном случае. Вот, может, сын только вчера приехал на побывку, и по этому случаю гуляли.

«Молча принесет воды». Почему молча? Когда люди носят воду они что, разговаривают сами с собой?.. Или первое попавшееся слово – для сохранения размера строки?.. Ну возможно, «молча» означает, что матушка сдерживается, чтобы не ворчать: вот ведь, охальники-пьяницы, опять «гульнули-хлебнули-перебрали» вчерась. Теперь вот отпайвай их компотом!

А может, просто женщина сетует про себя: вот ведь сынок, лежит в СВОЕЙ горнице – нет чтобы подняться, помочь матери воды принести!.. В самом деле. Нет?.. Не всё ж лежать-медитировать о завтрашних хлопотах с постройкой лодки. Опять же, «себе» будет мастерить... И что такое это «мастерить» лодку? При чем «догнивающую». При чем мастерить хлопотливо... Может быть, потому что еще и собирается поливать цветы? Не той ли водой, которую ночью натаскала матушка?

Но все-таки самое странное (для меня) в этом четверостишии – почему матушка ходит за водой НОЧЬЮ?.. Ну да, скажет кто-то, у пожилых людей часто по ночам бессонница. Но ведь ночью, при плохом освещении у них и зрение существенно слабеет. Если в горнице светло от звезды, значит ли это, что от нее также светло у колодца?.. Или, с утра-то, к колодцу – уже большая очередь?.. Или... она, матушка, еще не старая женщина. В смысле, может, одинокая, и так далее. Дело житейское. Отправилась ночью к колодцу поболтать с другими одинокими женщинами. Версий тут масса...

Ну да, ну да, застарелый антагонизм между деревенщиками и городскими. Как говорится, «Марфа вышла к колодцу, и холодные лягушки прыгали на ее босые ноги...»

«Если бы я был знаменитым писателем, я бы приятельствовал с олигархами и министрами культуры, встречался с президентом, числился правозащитником или сатрапом, обо мне бы говорили по телевизору, ко мне бы приставали на улице, я бы не знал, куда девать деньги, не ездил на метро, у меня не было бы времени лежать на диване, и, вообще, я был бы маленьким, лысым и рыжим...»

«Все больше убеждаюсь, что, когда ты хорошо питаешься, когда у тебя есть мастерская, хватает красок и т.д., работается гораздо лучше!» как-то заметил Ван Гог.

Недавно с удивлением прочел о том, что и Данте пришлось отвечать на специфический сакраментальный вопрос, казалось бы, актуальный лишь для нашего времени. «Если ты такой умный, то почему такой бедный?» В ту пору Данте находился при дворе какого-то очередного правителя-покровителя. Свита сего властителя состояла из вельмож, крайне необразованных и грубых. Один из них однажды подошел к Данте и с усмешкой сказал: «Как же так получается? Вот я неуч неотесанный, а меня мой покровитель осыпает милостями и деньгами, а вы такой умный, образованный – так хуже нищего!» На что Данте отвечал: «Ничего удивительного. Вы нашли себе покровителя под стать себе и потому богаты, а я еще под стать себе не нашел. Но когда найду, тоже разбогатею!»

Я бы даже толковал этот, вполне житейский, эпизод гораздо шире, метафорически. Под «покровителями», к которым мы нанимаемся в служение, чьих милостей ждем, понимать следует, конечно, не королей и герцогов, а Господа Бога и князя мира сего...

В свое время я тоже размышлял, как можно, впрочем, довольно глупым но, почему-то, правда, несколько обидным вопросом. Мой вариант ответа, пожалуй, был несколько механическим, чисто софистским. «Потому что я потратил все свое богатство, чтобы приобрести ум. Тогда как вы, вероятно, не потратили ни копейки!»

«Увы, деньги не просто убегают от меня сломя голову. Они еще как бы и отстреливаются...» – жаловался Х.

Действительно, дожили до крайности. Вот Z никогда не касался ни политики, ни чего такого. Всегда такой тихий, приятный, социально-адаптированный. Однако теперь и он всхлипывает: «Нынче даже ласковый теленок сосет то же, что и все!..»

Читаешь иную книгу и видишь, что единственная забота автора – заставить себя уважать.

Отличие слабой книги от сильной. Своего рода критерий. Известный каждому критику. Реально доказать, что слабая книга слаба – довольно просто. Как, впрочем, несложно доказать и то, что хорошая книга – дрянь. Большого ума не надо. С другой стороны, доказать, что хорошая книга действительно хороша – также не сложно. Достаточно, пересказать идею, привести несколько цитат... Но вот реально доказать, что слабая книга хороша – это задача не из легких. Цитировать нечего, об идеях и говорить не приходится. Разве что – заново ее «сочинить».

Понятно, что похвала бездарным книгам – не проблема. Проблема – хула, возводимая на хорошую литературу.

«Дорогие рецензенты! Помните, как в „Незнайке на Луне“ голодные, бездомные корытшки сидят у костра? Прихлебывают вместо чая голый кипяток и стараются смеяться не меньше пяти минут, потому что убеждены, что ведро воды, как и пять минут смеха, заменяет стакан сметаны... Не таков ли и одинокий русский писатель? В смысле, пара-тройка отзывов для него – тот же стакан сметаны...»

Это что, я гений, что ли?

Одного начинающего писателя пригласили на ответственное совещание в издательство, где решалась судьба его первой книги. На заседании у него прихватило живот. Из страха упустить драгоценный шанс, бедняга терпел до тех пор, пока... не обделался. Книга, впрочем, так и не вышла. Но ужаснее всего, что все десять маститых писателей, присутствовавших на том заседании, как один описали потом этот случай в своих романах.

Не нытьем, так каканьем. Слава – вещь, безусловно, обоюдоострая.

Однажды в редакцию пришел включенный молодой человек, принес стихи. Ему стали мягко объяснять, что стихи – бред сумасшедшего. «Еще бы, – гордо кивнул молодой человек, – я же писал их в Кащенко!» – «Видите, значит, мы в вас не ошиблись». – «Значит, напечатаете?» – обрадовался автор.

Замечательная редакционная байка. Приходит автор в редакцию и, заводя разговор изда-лека, рассказывает о содержании своего рассказа. Потом осторожно спрашивает:

– Если я принесу рассказ, напечатаете?

– Одно могу сказать точно, – отвечает редактор. – Если не принесете, не напечатаем.

Один витиеватый психолог изобрел формулу: «Сознание – это то, что имеет потенциальную возможность быть сообщенным».

Тогда литература – это то, что имеет потенциальную возможность быть напечатанным?

Литераторы среди нас. Помнится, один сотрудник НИИ совершенно серьезно попросил двухнедельный «творческий отпуск» – чтобы «написать письмо президенту».

Выбившись в писатели, Z хвастал своим голодным приятелям литераторам, что теперь он постановил себе, во-первых, ни в чем себе не отказывать, чтобы избавиться от этого ужасного голодного выражения лица, а во-вторых, каждый день знакомиться с новой женщиной, чтобы собирать материал для новых произведений.

Среди провинциалов-литераторов, даже давным-давно осевших в столице, найти такого, чтобы без комплексов и без затаенной ненависти к городским – необычайная редкость.

Недавно попался забавный афоризм. «Можно вывезти девушку из деревни, но вывезти деревню из девушки невозможно!» То же самое, безусловно, относится и к литературе.

Чем компенсировать негатив, когда он пробивается буквально из ничего?.. Затеял с Z разговор о детских книгах, читанных в детстве. Казалось бы, нормальный разговор. Но сразу почувствовал: что-то не так. Z молчал и все мрачнел. Знакомая реакция. Но что же на этот раз?! – недоумевал я. «Это у вас, сволочей городских, всё было! – вдруг крикнул он в сердцах. – У в моей деревенской библиотеке детских книг вообще не было!» Я совсем забыл, что он – деревенщик.

Что-то смутно из школы припоминается: «противоречия между городом и деревней... стираются...» Все-таки в корень марксизм-ленинизм смотрел. Вот только хрен они стираются!

Все-таки поэты мне всегда были много симпатичнее, чем прозаики. Поэту Y его теща, рассчитывая использовать молодого зятя и сэкономить, поручила отвести пару чемоданов на дачу. Y отказываться не стал, но, как бы между прочим одолжив у тещи денег, отвез чемоданы на такси.

X ходит в отвратительном настроении: прослышал, что Y имеет интимную связь с женщиной, которая когда-то была его любовницей. Действительно ужасно: теперь Y выведает у нее все тайны X – интимные и литературные. Вот они – наказания за грехи молодости. Мораль: соблазнил девушку – так и живи с ней!

«Это писатель, бедный, мучается, постоянно в сомнениях – писатель ли он. А вот у женщины проще. Приносишь деньги – писатель. Не приносишь – не писатель. Опять приносишь – опять писатель... И только я понимаю, что писатель – раз и навсегда писатель!»

Вот говорят, Ван Гога угнетало сознание того, что он находится на содержании у брата. Что же говорить о писателе, который находится на содержании у собственной жены! Вот, к примеру, Маркс. Жил не только на содержании у жены и у Энгельса, но даже у тещи. Угнетало ли это его? Может быть, может быть. Находил утешение разве что в том, чтобы покурить сигару да выпить пива. Впрочем, он ведь не был писателем – в нашем, в высшем понимании этого слова.

Одна женщина, в минуту раздражения, так и говорила своему супругу-литератору: «Вот! Все вы, мужики, такие!»

«За спиной каждого великого человека стоит великая женщина!» – это высказывание приписывают Джону Леннону. А что, очень может быть. Кстати, в ранней юности он тоже страстно мечтал стать писателем.

Еще у Ван Гога: «Дега поступает именно так, и не без успеха... Холодные обтирания, свежий воздух, простая и доброкачественная пища, теплая одежда, хороший сон и поменьше огорчений. И не позволять себе увлекаться женщинами! Жить полной жизнью в той мере, в какой хочется».

Можно добавить сюда еще совет Акутагавы насчет трезвого образа жизни и занятий «шведской стенкой».

Как бы там ни было, вопрос остается открытым, ибо обоих довольно скоро постигнул схожий печальный конец.

Идут радиоактивные дожди. Впечатлительный Z попал под дождь, пришел домой промокший до трусов, долго сидел, смотрел в пространство, а потом ночью жаловался жене, что дни его сочтены.

Пишущий имеет вкус к прекрасному. И патологическую потребность в нем. Это делает его неврастеником.

«Говорят, в своих записках Бунин болезненно желчен. Ничуть не нахожу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.